

С.З. Чернов

О КОМПЛЕКСНЫХ МЕТОДАХ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ

Предлагаемая вниманию читателей статья не является историографическим обзором, подведением итогов или анализом ключевых проблем, хотя и содержит определенные данные на этот счет. По своему жанру это скорее одна из лоций в море научной литературы, предназначенная для тех, кто заинтересован в корректном использовании информации, полученной археологами и отражающей древности России X–XVII вв. Свою задачу я вижу в том, чтобы на конкретных примерах проследить, как в 1960–2000-е годы происходило приращение знаний о прошлом и как комплексные специализированные исследования, построенные на интеграции методов археологии с методами письменной истории, специальных исторических дисциплин и естественных наук, сочетались в трудах отечественных археологов-медиевистов с работами, нацеленными на получение исторических данных, отсутствующих в письменных источниках, и с исследованиями материальной культуры (градостроительство, расселение, домостроительство, инструментарий, ремесленные традиции, погребальный обряд), этнокультурного облика населения, быта, питания и экологических условий. Кроме того, хотелось бы составить представление о соотношении работ, построенных на интеграции методов археологии и естественных наук с комплексными исследованиями на грани археологии, письменной истории и специальных исторических дисциплин.

Подобный разбор представляется весьма актуальным. Осознание глубины различия археологических и письменных свидетельств о прошлом, достигнутое сегодня, породило скептическое отношение к возможностям археологии в реконструкции социальных структур и процессов. Характерной чертой русской средневековой археологии 2000-х годов стало стремление сохранить свою идентичность. Это выразилось в совершенствовании методов раскопок и вещеведения, в развитии чисто археологического видения прошлого, в расширении объемов исследования памятников Средневековья.

Важность этих направлений не вызывает сомнений, тем более, что до 1970-х годов усилия археологов были сосредоточены глав-

ным образом на изучении древнерусского периода (IX–XIII вв.), а древности XIV–XVI вв. – Московской Руси, княжеств, вошедших в состав Великого княжества Литовского, и многих территорий Новгородской и Псковской земель – оставались на периферии их интересов. Памятники археологии этого периода, более или менее освещенного письменными свидетельствами, и сегодня остаются (несмотря на успехи последнего десятилетия) недостаточно охваченными масштабными археологическими раскопками.

Однако порой развитие чисто археологических направлений сочетается со стремлением – осознанным или неосознанным – переложить на плечи других наук увязывание выводов археологов с данными, получаемыми из письменных источников¹. Сказывается не только опасение скатиться к дилетантизму при сопоставлении различных источников, но и понимание того, насколько сложно создать поисковые системы, оперирующие обширной информацией и связывающие разные области медиэвистики, сформировать междисциплинарные научные лаборатории. Проблему предлагается не решать, а просто обойти молчанием.

Однако очевидно, что если проблему сопряжения методов и подходов археологов и историков не будут решать археологи и историки, ее действительно начнут решать другие. Но это даже не главное.

По моему глубокому убеждению, само осознание различий материальных и письменных свидетельств о прошлом содержит в себе огромный познавательный потенциал. Вопрос на самом деле заключается в том, как реализовать этот потенциал в практике исследований и извлечь новую историческую информацию. Вот почему сегодня так важно проанализировать опыт комплексного источниковедения второй половины XX в. и дать оценку сопряженной системе методов изучения письменных, археологических и естественнонаучных данных применительно к той или иной сфере культуры средневековой Руси, понять, на каких стадиях исследования это направление наиболее эффективно. Классическим и, собственно, первым примером применения этих методов являются исследования В.Л. Янина.

¹ Характерно, что на 170 печатных листах тезисов II Всероссийского археологического съезда в Суздале (2008) не нашлось место разделу, затрагивающему проблемы сопряженного анализа археологических и письменных свидетельств, хотя иные междисциплинарные исследования представлены весьма широко (Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. I–III).

Когда в 1951 г. на Неревском раскопе была найдена первая берестяная грамота, А.В. Арциховскому, руководившему раскопками в Новгороде, сразу стал ясен масштаб произошедшего. Сохраняемые во влажном культурном слое² Новгорода следы усадебной застройки X–XV вв., потенциально датируемые с точностью до года и начиненные беспрецедентным по богатству набором предметов материальной культуры (включая изделия из органических материалов), были оценены как источник, далеко выходящий по своим возможностям за рамки обычных городских культурных слоев Средневековья. По мере обнаружения все новых грамот стало ясно, что исследования усадеб будут сопровождаться находками памятников письменности, которые в ряде случаев позволят идентифицировать их владельцев, уяснить их место в социальной структуре города и решить множество иных задач, может быть, еще даже не были поставлены отечественными историками³.

Начатая А.В. Арциховским и продолженная В.Л. Яниным работа над комплексом берестяных грамот рода Мишиничей-Онцифоровичей, которые были найдены на трех усадьбах, располагавшихся на перекрестке Великой и Кузюдемьянской улиц Новгорода, позволила реконструировать генеалогические, владельческие и ктиторские связи пяти поколений новгородского боярского рода XIV в., доказать, что в его владении находился целый район Неревского конца близ церкви Сорока мучеников⁴. Тексты берестяных писем позволяли проникнуть в обстоятельства жизни людей, их семейные и клановые связи, их мотивы и намерения, в мир повседневности⁵.

Опыт работы над сфрагистическим материалом в период написания “Новгородских посадников” (1962) и над сюжетами, связанными с берестяными грамотами, привел В.Л. Янина к идеям о комплексном источниковедении и интеграции специальных исторических дисциплин. Эта идея была высказана исследователем в начале 1970-х гг.⁶

² Влажный культурный слой отличается от сухого тем, что в него не поступает кислород, нет аэрации и, как следствие, отсутствуют микробы, разрушающие органику. В результате в таком слое сохраняется дерево, кожа, береста и другие виды органики.

³ Опередившая свое время книга Б.А. Романова “Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв.”, опубликованная в Ленинграде в 1947 г., оказала влияние на историографию значительно позже.

⁴ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 7–37.

⁵ Янин В.Л. Я послал тебе бересту. М., 1965.

⁶ Янин В.Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных

Я прекрасно помню, с каким острым интересом идеи В.Л. Янина были тогда восприняты медиевистами. Летом 1976 г. в Тырнове у церкви Сорока мучеников, на раскопках Великой лавры, их руководитель Атанас Попов просил меня прислать ему эту статью Валентина Лаврентьевича. До выхода в свет “Очерков комплексного источниковедения” оставался год, но эту книгу уже мысленно собирали из статей Янина археологи-медиевисты разных стран.

Применительно к изучению исторических территорий мне уже приходилось писать, что путь простого (или основанного на определенной методике) сопоставления результатов, полученных, например, источниковедением, топонимикой, археологией и т.д., разумеется, всегда остается открытым для исследователя. Но секрет комплексного источниковедения заключен не в нем, а в сопоставлении первичных источников (письменных, археологических, топонимических и др.), во взаимной корректировке их достоверности, полноты, репрезентативности, а в некоторых случаях – в установлении даты и происхождения⁷.

Близкие идеи высказывал представитель французской школы “Анналы” Бернар Лепти, в свое время уделивший внимание проблеме “междисциплинарного синтеза”. По его мнению, важна не только унификация результатов, полученных разными дисциплинами, “исходя из присущей каждой проблематики и концептуального инструментария, соответствующего дисциплинарной традиции”, но “сличение вопросников, методов, языков”. Именно это, по мнению Б. Лепти, ждут от междисциплинарности⁸.

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Попробуем проследить, в какой степени методы, предложенные В.Л. Яниным, были восприняты археологами-медиевистами, исследующими древнерусский город, и сколь результативными

источников по истории русского средневековья // История СССР. 1973. № 3. С. 77.

⁷ Чернов С.З. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта (По материалам древнего Радонежского княжества). М., 1987. С. 13.

⁸ Lepetit B. Les formes de l'expérience. Une autre histoire sociale. Paris, 1995. P. 12. См. также: Лепти Б. Общество как единое целое: О трех формах анализа социальной целостности // Одиссей: Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 148–164.

они оказались⁹. Что касается городской археологии Новгорода¹⁰, то даже здесь, на родине комплексного источниковедения, не все было однозначно.

Проблема возникновения Новгорода была решена шаг за шагом. По мере изучения ядер древних Неревского, Людина и Славенского концов были установлены дендродаты¹¹ их первых строительных ярусов (953, 930-е годы, 974). В 1957 г. М.Х. Алешковский обнаружил вал 1044 г. близ Владимирской башни Кремля, а в 1985 г. М.А. Воронова зафиксировала его на Владычном дворе (под валом на материке был обнаружен сруб с дендродатой 962 г.). Эти находки показали, что Новгород возник в середине X в. как сочетание трех поселений. После принятия христианства на холме между Неревским и Людиным концами был возведен церковный центр (Владычный двор с деревянным храмом Софии 989 г.), а на противоположном берегу Волхова – княжеский двор (Ярославово дворище на Славне)¹². В 1044 г. северная часть нынешнего Кремля была окружена стенами, внутри которых вскоре была возведена каменная София. Раскопки Е.Н. Носова в Поозерье и на Рюриковом городище показали, что летописные свидетельства о Новгороде периода призвания варягов следует связывать именно с этим славяно-скандинавским поселением. В X в. здесь располагалась резиденция князей, которая лишь в самом начале XI в. была перенесена Ярославом на Славно¹³. Исследования новгородского

⁹ Междисциплинарные тенденции в развитии специальных исторических дисциплин – тема, заслуживающая отдельного анализа, и мною здесь не рассматривается (подробнее см.: Специальные исторические дисциплины. Учебное пособие / Под ред. М.М. Крома. СПб., 2003). Здесь и далее автор не претендует на полноту охвата той или иной историографической проблемы, каждая из которых может быть предметом специального исследования.

¹⁰ Историко-археологические и историко-лингвистические исследования берестяных грамот, давшие беспрецедентные результаты, заслуживают специального разбора. См.: *Зализняк А.А.* Дрениновгородский диалект. М., 1995; Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Мат-лы международной конференции. Великий Новгород. 24–27 сентября 2001 г. М., 2003. См. также материалы на сайте <http://www.gramoty.ru>.

¹¹ Датировка, полученная на основе анализа годичных колец деревьев.

¹² *Янин В.Л., Алешковский М.Х.* Происхождение Новгорода // История СССР. 1971. № 2. С. 37; *Янин В.Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Л., 1982. Т. 1 (11).

¹³ *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; *Носов Е.Н., Горюнова М.В., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя. СПб., 2005.

кремля, проведенные археологами с участием архитекторов, инженерных геологов и архивистов, продвинули вперед изучение его топографии и архитектурного ансамбля, но не изменили сложившихся ранее представлений об этапах его развития¹⁴ и не заполнили всех белых пятен¹⁵. Тем не менее, перспективность данного подхода применительно к изучению генезиса города не вызывает сомнений.

По иной логике развивалось изучение древнерусских усадеб Людина конца. Здесь также накопление знаний протекало постепенно. В 1970-е годы в горизонтах XII в. была открыта усадьба А, владелец которой был идентифицирован с художником Олисеем Гречином¹⁶, в 1998–1999 гг., по другую сторону древней Великой улицы, была изучена усадьба Е, которая дала уникальные документы, свидетельствующие о том, что здесь начиная с 1126 г. происходил “сместной” суд представителя князя (одним из них был отец Олисея Гречина Петр Михалкович, который в 1155 г. выдал свою дочь за сына Юрия Долгорукого Мстислава¹⁷) и посадника.

Обнаружение в слоях XI в. усадьбы Е деревянных цилиндров, замыкавших мешки с пушниной, показало, что новгородская элита контролировала сбор даней задолго до 1126 и 1136 гг. Именно в этом состояло коренное отличие Новгорода от Киева и других древнерусских городов, где сбор дани был прерогативой княжеской дружины. Причина подобного отличия заключалась в том, что княжеская власть Рюриковичей утверждалась на юге не договором (как в Новгороде), а завоеванием¹⁸. Столь глубокое проникновение в социальную реальность Древней Руси не могло быть достигнуто в рамках классической археологии или с помощью простого сопоставления данных археологии и данных пись-

¹⁴ Новгородский исторический сборник. СПб., 1995. Вып. 5 (15).

¹⁵ Петров Д.А. Проблемы исторической топографии Новгорода. М., 1999. С. 51–94.

¹⁶ Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

¹⁷ Гитциус А.А. К идентификации персонажей берестяных грамот середины XII в. усадьбы Е Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археологи. Новгород, 1999. Вып. 13. С. 366–294. Критика этой гипотезы (Степаненко В.П. Олисей Гречин между Новгородом и Аскалоном // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2009. Вып. 8: Новгородская земля – Урал – Западная Сибирь. Т. 1. С. 224–233) касалась лишь возможности пребывания Олисея в Византии.

¹⁸ Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

менных источников. Лишь инструментарий сопряженных методов исследований позволил установить принадлежность владельцев усадеб Людина конца Мирошкиничам, без чего историческая информация, которую потенциально несли деревянные цилиндры, осталась бы непрочитанной. “Интеграция дисциплин – писал об этом В.Л. Янин, – способна высекать искру нового знания, которая освещает потаенные уголки нашего прошлого”¹⁹.

Раскопки в Ладоге, Пскове, Старой Руссе, Торжке также дают пищу для размышлений о продуктивности той или иной методики. Такие открытия, как обнаружение “Большого дома 894 г.” в Ладоге²⁰ или городского курганного некрополя и “камерных” варяжских погребений X в. во Пскове²¹, дали в руки историков неопределимый материал о первом веке “империи Рюриковичей” и без применения комплексных методов²². Что касается древнерусских городов XI–XIII вв., активно исследовавшихся в 1960–1980-е годы по программе Б.А. Рыбакова, то здесь на первый план вышли темы домостроительства, развития инструментария, ремесла, прикладного искусства, особенностей быта²³.

Перспективность новгородских методик демонстрируют уникальные городские археологические комплексы, содержащие сфрагистический материал и берестяные грамоты. Так, обнаружение на Верхнем городище Торжка владычной канцелярии, погибшей во время взятия города князем Михаилом Александровичем в 1372 г. и содержавшей документы (сохранились лишь печати) начиная со времени великого княжения Дмитрия Александровича (1276–1281, 1283–1294), позволяет нам соприкоснуться с документооборотом “сместного” правления княжеского тиуна и новгородского посадника²⁴. Эта находка показала реальность

¹⁹ Янин В.Л. Некоторые размышления о путях развития науки // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 1. С. 6.

²⁰ Петренко В.П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.

²¹ Яковлева Е.А. Камерные погребения псковского некрополя // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2. С. 419–421.

²² О значимости археологических источников для реконструкции исторической реальности первого века Древнерусского государства свидетельствует попытка воссоздать ее практически без использования Повести временных лет (Франклин С., Шепард Дж. Возникновение Руси. 750–1200. М., 1996).

²³ Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996.

²⁴ Малыгин П.Д., Сарафанова Н.А. Новые сфрагистические находки в Торжке // Вестник РГНФ. 2007. № 4 (49).

обнаружения следов сооружений, связанных с древнерусским депопроизводством. Примером такого сооружения может послужить усадьба В середины – второй половины XII в. на посаде городка Шерны, расположенного между Москвой и Переяславлем-Залесским. Находка здесь 19 булл, основная часть которых связана с княжившими в Новгороде в 1088–1136 гг. Мстиславом Великим и Всеволодом Мстиславичем, позволяет ставить вопрос о новгородском присутствии на будущих московских землях до битвы на Ждан-горе 1135 г.²⁵

Подобные усадьбы уже не раз оказывались в поле зрения археологов на русском Северо-Востоке. Это славяно-скандинавские усадьбы, погибшие в 1096 г. в Суздалье²⁶, двор церковнослужителей²⁷ и сфрагистический комплекс близ Дмитриевского собора во Владимире²⁸, наместничья усадьба в Ярополче²⁹, усадьбы Старой Рязани³⁰.

Если обратиться к исследованиям города второй половины XIII–XVI вв., то можно говорить о появлении в последние десятилетия серии эталонных раскопов с влажным слоем и дендродатировками в Смоленске³¹, Мстиславле³², Твери³³, Ростове³⁴, Москве³⁵. Публикация материалов этих раскопок дает возможность сравнить

²⁵ Чернов С.З. Сфрагистический комплекс 1088–1160-х гг. усадьбы В на посаде Шерны и проблемы предыстории Московской земли // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздалье. М., 2008. Т. 2. С. 407–410.

²⁶ Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997. С. 82–115.

²⁷ Жарнов Ю.Э., Жарнова В.И. Произведения прикладного искусства из раскопок во Владимире // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь. СПб., 1999.

²⁸ Родина М. Печати князя Гаврилы // Родина 2006. № 6. С. 38–40.

²⁹ Седова М.В. Ярополч Залесский. М., 1978.

³⁰ Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

³¹ Асташова Н.И. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 21–49.

³² Алексеев Л.В. Мстиславский детинец в XII–XIV веках // Российская археология. 1995. № 3; Он же. Детинец Мстиславля в XIV–XVII вв. // Там же. 2000. № 2.

³³ Тверской Кремль: Комплексное археологическое исследование (По материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг. / Научн. ред. В.А. Лапшин. СПб., 2001.

³⁴ Самойлович Н.Г., Асташова Н.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Е. Раскопки в Ростове Великом // Археологические открытия 2001 года. М., 2002.

³⁵ Чернов С.З., Бойцов И.А. Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII–XIV вв. // Советская археология. 1992. № 1. С. 211–230.

многие процессы в истории материальной культуры важнейших центров периода ордынского ига³⁶.

В отличие от Новгорода с его традицией свинцовых печатей, в Москве³⁷ с середины XIV в., под влиянием дипломатической практики Сербии, получили распространение восковые печати, которые шли вслед за распространением бумаги³⁸. Первая московская берестяная грамота, найденная в 1987 г. и представляющая собой фрагмент правой грамоты или судебного списка (1410–1430-е гг.), выпадает из традиции письма на бересте Новгорода и других городов Северо-Западной Руси. Она напоминает грамоты второй половины XIV в., написанные на пергаменных столбцах шириной 14–15 см. Для того чтобы придать грамоте подобную форму, исходный лист клали вертикально и писали поперек прожилки бересты. Традиция написания актов на бересте могла получить распространение в Москве, после того как свинцовые печати (они не совместимы с берестой) были сменены восковыми³⁹. В 2008 г. в ходе раскопок Института археологии РАН в Тайнинском саду Московского кремля были найдены грамоты № 2 и 3, подтвердившие существование самобытной московской берестяной письменности.

Отдельного рассказа заслуживает тема исследования городов Московской Руси XVI–XVII вв. и работ Г.В. Алферовой⁴⁰.

Исследование городов Северного Причерноморья представляет совершенно особое направление средневековой городской

³⁶ Интересные наблюдения об особенностях эволюции Пскова, Торжка, Ростова, Москвы, Коломны, Рязани в XIII в. см. в кн.: Русь в XIII веке. Древности темного времени / Под ред. Н.А. Макарова, А.В. Чернецова. М., 2003.

³⁷ Подробнее о московском археологическом проекте, начавшем реализовываться с 1989 г., см.: Чернов С.З. Раскопки в Историческом проезде и перспективы московской археологии // Вестник Академии наук СССР. 1989. № 3. С. 116–124. Некоторые его итоги см.: История Москвы с древнейших времен до наших дней. М., 1997. Т. 1: XII–XVIII века. Главы III–IV.

³⁸ Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991. С. 131–135.

³⁹ Чернов С.З. Московская берестяная грамота № 1 – первый акт Московской Руси на бересте // Российская археология. 1997. № 1. Особенности московской традиции письма на бересте, которые роднят ее с пергаменными актами, заставляют предположить, что подход, предложенный Л.В. Черепнинным и не давший ожидаемых результатов в случае с новгородскими берестяными грамотами (Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969), может оказаться весьма уместным для изучения московских берестяных документов.

⁴⁰ Алферова Г.В. Русские города XVI–XVII веков. М., 1989. См.: Позднесредневековый город: археология и история. Тула, 2007. Ч. 1–2.

(урбанистической) археологии. Удачные примеры реконструкции исторической и этно-конфессиональной топографии Азова⁴¹ и Кафы⁴² по письменным и археологическим источникам, напоминают (если отвлечься от специфики средиземноморской градостроительной культуры) исследования по социальной топографии Новгорода. Не менее ярким примером является разработка методик анализа итальянских портоланов, которая сделала возможным историческую идентификацию поселений Приазовья XIII–XIV вв., в том числе поселений потомков древнерусского населения⁴³. Важным фактором, повлиявшим на успешное применение здесь методов комплексного источниковедения, стало создание при кафедре Средних веков Исторического факультета МГУ в 1991 г. лаборатории по истории Византии и Причерноморья. В научный оборот был введен широкий круг источников, в том числе акты нотариата 1411–1419 гг. итальянской Таны, существовавшей в ордынском Азаке с 1332 г.⁴⁴

ЛАНДШАФТНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

К середине 1970-х годов благодаря трудам Дж. Хёрста, М. Берсфорда, Ф. Баркера в Англии, А. Стенсберга в Дании, Э. Черны, З. Сметанки, В. Некуда, Я. Клапсте в Чехии и Словакии были зало-

⁴¹ Волков И.В. Азовская крепость глазами Эвлии Челеби и русских военных топографов XVII–XVIII вв. // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. 1992. С. 83–94; *Он же*. Закрытый комплекс турецкого времени из Азова // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. Вып. 21. С. 473–497. Материалы археологического изучения Азова опубликованы в 25 выпусках “Историко-археологических исследований в г. Азове”, издаваемых Азовским историко-археологическим музеем.

⁴² Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения Кафы (конца XIII – первая половина XV в.) // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. СПб., 1998. Вып. 3. С. 82–116; Пономарёв А.Л. Население и территория Кафы по данным массарии – бухгалтерской книги казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. СПб., 2000. Вып. 4. С. 317–443.

⁴³ Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Под ред. С.Г. Бочарова и В.Л. Мыш. Киев, 2005. С. 122–159; *Он же*. Поселения Приазовья в XII–XIII веках // Русь в XIII веке. С. 108–130. См. также: Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах: Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М., 2007.

⁴⁴ Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. М., 1991–2005. Вып. 1–6.

жены основы средневековой ландшафтной археологии. Объектом исследования становились не только поселения и могильники, но вся сельская инфраструктура Средневековья, следы которой дожили до наших дней: дороги и пруды, остатки пашен и древние луга, межи и источники. Методы изучения этой захватывающей дух своим разнообразием мозаики памятников в таежных, лесных и лесостепных ландшафтах России необходимо было разрабатывать.

Для этого потребовалось проанализировать прежний опыт историко-географических исследований (от А.М. Андриящева до М.В. Витова). Первые примеры комплексного изучения поземельных актов в нашей историографии связаны с именем С.Б. Веселовского. Особого внимания заслуживают его очерки отдельных вотчин, написанные по актам Троице-Сергиева, Калязина и других монастырей еще в 1930-е годы⁴⁵. Многократно совмещая карты земельных владений и генеалогические таблицы родов, которым они принадлежали, Веселовский реконструировал первоначальные границы вотчин. Будучи знатоком письменных источников XV–XVII вв. и инициатором издания архива Троице-Сергиевой лавры, он осознавал, что сведения, почерпнутые из них, недостаточны для локализации большинства поселений, упоминаемых в актах XV в. Поэтому он пришел к мысли о необходимости “непосредственного собирания топонимических материалов путем сплошного обследования местности и опроса местных жителей”⁴⁶. Подобный метод использовала Л.М. Марасинова в своей книге, ставшей ценным вкладом в историко-географическое изучение псковских актов⁴⁷.

Но именно работы В.Л. Янина о грамотах Антония Римлянина⁴⁸, князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю и князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю⁴⁹ убедили коллег в том, какие неожиданные результаты в плане датировки актов может дать локализация упомянутых в них земельных гра-

⁴⁵ *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936. С. 65–100; *Он же.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т.1. С. 149–190.

⁴⁶ *Веселовский С.Б.* Топонимика на службе у истории // *Исторические записки.* М., 1945. Т. 17. С. 29.

⁴⁷ *Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966.

⁴⁸ *Янин В.Л.* Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата // *Вестник Московского университета.* Сер.: История. М., 1966. № 3.

⁴⁹ *Янин В.Л.* Из истории землевладения в Новгороде XII века // *Культура Древней Руси.* М., 1966.

ниц. На примере исследования духовной Моисея⁵⁰, грамоты князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на погост Ляховичи⁵¹ и “Порховских” берестяных грамот⁵² можно видеть, что многие поземельные документы не могут считаться полностью прочитанными, пока не локализована содержащаяся в них географическая номенклатура. Большая часть этих исследований вошла в книгу В.Л. Янина “Очерки комплексного источниковедения” (1977), которая стала манифестом направления.

В 1981 г. была опубликована работа В.Л. Янина “Новгородская феодальная вотчина”, посвященная реконструкции генеалогии новгородских боярских родов с помощью изучения семейного раздела вотчин, расположенных в разных погостах⁵³. Локализация земельных владений XV в. в районе погоста Взвяд на Ильмень-озере позволила ретроспективно реконструировать раздел территории погоста “начетверо” между Новгородом и великими владимирскими князьями еще в XIII в.⁵⁴ Позднее оказалось, что подобная форма деления подгородных территорий – общее явление для средневековой Руси. Теперь можно было уверенно говорить о больших возможностях интеграции не только археологии, сфрагистики, нумизматики и эпиграфики, но и археологии, исторической географии и генеалогии.

Методы комплексного исследования исторических ландшафтов Московской Руси были разработаны в ходе изучения древнего Радонежа (1976–1987). В их основе лежало наблюдение, сделанное в ходе практической работы: по мере количественного наращивания источников (описаний, карт, аэрофотосъемок, свидетельств устной микропонимической традиции) и фиксации на современной геоподоснове данных межевых книг XVI–XVII вв. и

⁵⁰ Янин В.Л. Комплекс берестяных грамот № 519–521 из Новгорода // Общество и государство феодальной России. М., 1975.

⁵¹ Янин В.Л. Грамота князя Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. Местоположение погоста определено в работе: Фролов А.А. К дискуссии о характере пожалования Юрьеву монастырю “Терпужского” погоста Ляховичи // Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. Вып. 9 (19).

⁵² Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 200–205.

⁵³ Методика этой книги изложена: Янин В.Л. Генеалогия и землевладение // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах. М., 1979. С. 260–264.

⁵⁴ Янин В.Л. К истории взаимоотношения Новгорода с князьями // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1986; Чернов С.З. Историческая география Взвядского погоста // Там же.

Генерального межевания (1760–1780-е гг.)⁵⁵, наступает момент, когда эти данные позволяют локализовать упоминаемые в актах XV–XVI вв. границы, селения, дороги и угодья как целостную систему и идентифицировать ее с материальными остатками – памятниками археологии.

Достигалось это с помощью ряда приемов. Сбор данных по микропонимике показал, что в первой половине XX в. в памяти старожилов сохранялся (и частично сохранился до наших дней) уникальный набор названий дорог, угодий, урочищ, большая часть которых не попала на карты, но восходила к наименованиям поселений, запустевших в XVII в. и известных по актам и писцовым книгам XIV–XVI вв.

Методы сплошных археологических разведок, разработанные В.В. Седовым⁵⁶, необходимо было усовершенствовать применительно к памятникам XIV–XVI вв. И такая работа началась: первые систематические археологические обследования волостных центров и сел Московской земли были предприняты А.А. Юшко в 1970-е годы⁵⁷. В ходе обследования Радонежа эти методы были перенацелены на изучение рассредоточенной сети водораздельных поселений XIV–XVI вв. В 1980 г. при исследовании Копнинского леса под Сергиевым Посадом археологические разведки стали корректироваться аэрофотосъемкой и историческими картами. Оказалось, что наиболее продуктивны обследования вдоль древних дорог, полян-“осёлков” и прудов, сохранившихся на месте поселений XV–XVI вв. Широко были использованы приемы, применяемые в работах по исторической планировке (вынос на

⁵⁵ Генеральное межевание – определение (на местности, планах и в описаниях) границ поземельных владений в Европейской России, начатое по Манифесту Екатерины II от 19.09.1765 г. и завершённое в конце 90-х годов XVIII в. (в восточных губерниях в первой половине XIX в.). Зафиксировало границы земельных владений, возникших в эпоху Московского государства, в том числе точное местоположение десятков тысяч “пустошей” – мест запустевших селений XIV–XVI вв.

⁵⁶ Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М., 1960.

⁵⁷ Юшко А.А. Феодалное землевладение Московской земли XIV века. М.: Наука, 2002. См. рец.: Чернов С.З. Проблемы изучения землевладения Московских князей // Российская археология. 2003. № 4; *Он же*. О методах исследования вотчинного землевладения Московского княжества // Очерки феодальной России. М., 2004. Вып. 8. Волостные центры Смоленской земли изучались Л.В. Алексеевым (Алексеев Л.В. Грамота Ростислава Мстиславовича Смоленского в свете данных археологии // Беларускія старажытнасці. Мінск, 1972; *Он же*. Домен Ростислава Смоленского // Средневековая Русь. М., 1976).

современную геоподоснову межей XVI–XVIII в.). Судьба объектов средневековой аграрной археологии прослеживалась вплоть до наших дней⁵⁸.

Данные письменных источников (актов, писцовых книг и др.) требовалось представить в совершенно новом формате, таким образом, чтобы они могли быть сопоставлены с открывшимся морем археологической информации по древним сельским ландшафтам. Нужно было не просто картографировать конкретные владения XV–XVI вв., но установить их размеры с точностью, сравнимой с точностью определения площади земельных дач Генерального межевания, определить их хозяйственную освоенность, а в сочетании с историко-генеалогическим исследованием и при наличии значительного комплекса актов – выявить структуры землевладения и состав землевладельцев соответствующей волости или стана.

Подобные микрорегиональные исследования в 1980–2000-е годы были проведены в ряде районов Новгородской земли: Жабенской волости⁵⁹, Полужье⁶⁰, Взвадском погосте⁶¹, Великолужской и Пусторжевской и другие территориях на Литовском пограничье⁶²,

⁵⁸ Чернов С.З. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта (по материалам древнего Радонежского княжества). М., 1987. Описание методики: <http://www.heritage-institute.ru>.

⁵⁹ Буров В.А. Жаровский конец Жабенской волости в VIII–XVI веках по историко-археологическим данным // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989. С. 74–84; *Он же*. К истории сложения волости в земле смоленских кривичей // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов предстоящей научно-практической конференции. Псков, 1986. С. 42–45; *Он же*. О времени возникновения новгородского погоста Жабна // Российская археология. 1995. № 2. С. 44–58; *Он же*. Этапы расселения в междуречье Шлины и Граничной на Валдае в III–XVI вв. и эволюция общины (по материалам Жаровского конца новгородской волости Жабна) // VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации. М., 1990.

⁶⁰ Кузьмин С.Л. Которский погост – локальный центр конца I – начала II тыс. н.э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 153–168.

⁶¹ Янин В.Л. К истории взаимоотношения... С. 92–104; Чернов С.З. Историческая география Взвадского погоста // Генезис и развитие феодализма в России. Межвузовский сборник. Л., 1985. С. 104–112.

⁶² Янин В.Л., Бассальго Л.А. Великолужская земля в XV веке: Территория и границы // Отечественная история. 1995. № 6. С. 45–58; Бассальго Л.А. Пусторжевская земля в XV веке: Территория и границы // Отечественная история. 1993. № 5. С. 108–124; Янин В.Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.

в Водской⁶³ и Деревской пятинах⁶⁴, а также в округе Новгорода⁶⁵.

На землях Великого Московского княжества был исследован район Волока Ламского⁶⁶, Радонежское княжество⁶⁷ и Московские городские станы⁶⁸. Эти исследования показали, что освоение водоразделов началось в Московском крае в XIII–XIV вв. в рамках общества, основанного на “служебной системе”⁶⁹, лишь со второй половины XIV в. здесь складывается вотчинное землевладение⁷⁰.

Региональные исследования, основанные на комбинированном анализе письменных и археологических свидетельств и затрагивавшие широкую историческую проблематику, были выполнены по Коломенскому⁷¹, Звенигородскому⁷² и Серпуховскому⁷³ уделам.

⁶³ *Селин А.А.* Сельское расселение в Среднем Поореджежье в XVI–XVIII вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1993. Вып. 7. С. 189–203; *Он же.* Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв.: Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

⁶⁴ *Фролов А.А.* Изменения в численности и составе погостов и волостей Деревской пятины во второй половине XV в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 1. С. 61–75; *Он же.* О локальной истории земель по Верхней Волге // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1998. С. 297–304; *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам 1495–1496 годов). М.; СПб., 2008. Т. 1–3.

⁶⁵ *Анкудинов И.Ю.* Историко-географическое изучение Ильменского Поозерья XV–XVII веков // Вестник РГНФ. 2007. № 4 (49).

⁶⁶ *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. (Акты Московской Руси: Микрорегиональные исследования / Ред. В.Л. Янин, В.Д. Назаров. Т. 2).

⁶⁷ *Чернов С.З.* Землевладение волости Бели Радонежского удела // Очерки феодальной России М., 2000. Вып. 4. С. 20–70.

⁶⁸ *Чернов С.З.* Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 гг. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты (далее: КСМ ИЛ). М., 2005. Т. 2. (Акты Московской Руси: Микрорегиональные исследования / Ред. В.Л. Янин, В.Д. Назаров. Т. 2).

⁶⁹ О “служебной системе” см.: *Флоря Б.Н.* Хроника Винченца Кадлубка о переломе в жизни польского общества на переходе от раннего к развитому Средневековью // Средние века. М., 2007. Вып. 68 (4). С. 92–106.

⁷⁰ *Чернов С.З.* Взлет на холмы. Раннемосковское общество и внутренняя колонизация // Родина. 2003. № 12. С. 28–33.

⁷¹ *Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 2001.

⁷² *Юшко А.А.* Звенигород московский и удел Звенигородских князей. М., 2005.

⁷³ *Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства. Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 2008.

Параллельно продолжались археологические исследования сети расселения на более значительных территориях и с более широким хронологическим диапазоном (Е.Н. Носов, В.Я. Конечный, С.А. Беляева, В.А. Лапшин, Н.И. Платонова, Б.Н. Харлашов, М.В. Цыбин, О.М. Веремейчик, И.В. Исланова, Н.А. Тропин). В цикле работ Н.А. Макарова по району Белоозера, построенных на сочетании методов исследования поселений, могильников, водно-волоковых путей и исторических ландшафтов, была реализована многоплановая программа изучения древнерусского этапа колонизации Русского Севера⁷⁴.

Мощный импульс для развития средневековой ландшафтной археологии дали палеоэкологические исследования, которые развернулись в 1980–1990-е годы в форме крупных проектов по изучению исторической среды Курского Посемья (А.А. Узянов, С.А. Сычева), Куликова поля (Б.А. Фоломеев, М.П. Гласко, М.И. Гоняный, М.А. Гуман), района Дьякова–Коломенского в Москве (Н.А. Кренке, В.С. Гунова, Н.А. Кирьянова, В.А. Низовцев), Радонежа (С.З. Чернов, Е.Г. Бызова, Е.А. Спиридонова), Белоозера (Н.А. Макаров, Е.А. Спиридонова), Новгорода (А.Л. Александровский, П.Г. Гайдуков, Н.А. Кренке), Гнёздова (А.Л. Александровский, Н.А. Кренке, В.С. Нефёдов) и других территорий⁷⁵. Ключевым моментом стало выявление объектов таких совместных исследований: погребенных почв, включенных в археологические памятники (под насыпями курганов, оборонительных валов и плотин, под культурным слоем поселений) и стратифицированных природных и антропогенно-природных отложений (пойменный аллювий, делювий на склонах и днищах балок и оврагов).

Археолого-палеопочвенные исследования основываются на методике диагностики почвенного профиля и реконструкции по этим данным его эволюции, включающей трансформации исходных профилей почв, сформировавшихся под коренными лесами голоценового времени в ходе хозяйственного использования (распашка, луг), чередовавшихся с периодами регенерации природного ландшафта (восстановление леса). Метод позволяет описывать характерные элементы агрогенного ландшафта (напаши, бровки на склонах, агро-делювиальные накопления в долинах оврагов, в

⁷⁴ Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997; *Он же*. Приходская церковь Русского Севера на фоне археологической карты // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 393–411; Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.

⁷⁵ Подробнее см.: КСМ ИЛ. М., 2004. Т. 1. Гл. 1.

балках, смытые почвы на холмах и склонах) и оценивать информативные возможности этих объектов для уяснения интенсивности, длительности и размаха хозяйственной деятельности⁷⁶. Отдельным разделом ландшафтной археологии стало выявление и описание памятников без культурного слоя (прудов, межевых ям, каналов, обеспечивавших режим лугов и других), а также диагностика культурных знаков и сопутствующих сорняков. Новые возможности для реконструкции древнего природного и агроландшафта, а также облесенности территории дает сопоставление пыльцевых данных с почвенными и археологическими при интерпретации затронутых влиянием человека горизонтов в почвенных разрезах⁷⁷.

Появление палеоэкологического блока методов позволило существенно усовершенствовать методики, лежащие на грани ландшафтной археологии и исторического ландшафтоведения. Долго эти работы не шли далее анализа ландшафтной приуроченности археологических памятников. Развивая это направление, В.А. Низовцев предложил методику составления карт условно-восстановленных ландшафтов и ресурсных зон природопользования на уровне урочищ и местностей. В свою очередь по мере накопления археолого-палеопочвенных исследований по реконструкции пашен и установления характера растительности в период Средневековья в пределах конкретных природных территориальных комплексов удалось перейти к корректировке карт природопользования и разработке его уточненных моделей⁷⁸.

По мере расширения вопросника археологов и развертывания новых естественнонаучных приложений оказалось, что традиционно используемые в сельской археологии методы требуют доработки. Остро встала задача сделать более точными датировки по керамике, в связи с чем были изданы материалы по закрытым ком-

⁷⁶ Подробнее см.: КСМ ИЛ. М., 2004. Т. 1. Гл. 3.

⁷⁷ В качестве примера подобных исследований можно указать на работы: *Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Макаров Н.А., Спиридонова Е.А., Карпухин А.А.* Ландшафты Суздальского Ополя и влияние на них человека в Средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // *Сельская Русь в IX–XVI веках* / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М., 2008. С. 127–156; *Александровский А.Л., Еришова Е.Г., Качанова М.Д., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Энгватова А.В.* Исследования погребенных почв в Троице-Сергиевой лавре в 2003 г. и опыты реконструкции коренной растительности // Там же. С. 187–206. Превосходным руководством для совместной работы археологов, почвоведов и палинологов является издание: *Dimbleby G.W.* *The Palynology of Archaeological Sites.* London, 1985.

⁷⁸ Подробнее см.: КСМ ИЛ. М., 2004. Т.1. Гл. 2.

плексам керамики Москвы и Подмосковья XII–XVI вв. и разработана ее дробная типология, что позволило датировать поселения с точностью до четверти века⁷⁹.

На новые вопросы, которые были поставлены “нераскопчной” ландшафтной археологией, можно было ответить, лишь усовершенствовав методы раскопок селищ и могильников. И такое совершенствование произошло, став своего рода археологическим ответом на вызов палеоэкологического направления. Необходимо в этой связи отметить исследования М.И. Гоняного на верхнем Дону, в ходе которых раскрылось богатство типов поселений (стационарные крестьянские дворы, выставки-летники для распашки в степи, гончарные и другие производства, вынесенные за пределы поселения и т.д.), лежащих за понятиями “селище” или “гнездо памятников”⁸⁰. Раскопки широкой площадью поселений Автуничи и Лисковое близ Чернигова продемонстрировали не только масштабы земледелия и скотоводства Южной Руси, но и выявили разнообразные ремесленные производства (варка железа из болотной руды и др.)⁸¹. В Подмосковье раскопки поселений XII–XVI вв. широкой площадью, сопровождавшиеся серией естественнонаучных исследований, дали весьма интересные результаты⁸².

Работы на археологическом комплексе Монино на Кубенском озере позволили расширить спектр находок, обнаруживаемых на средневековом селище с помощью системы просеивания и промывок, раскрыть микромир средневековой хозяйственной жизни, почувствовать пульс экономической конъюнктуры⁸³. Выводы, сделанные исключительно на археологическом материале, позволяют в новом свете увидеть древнерусское поселение Севера второй

⁷⁹ Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

⁸⁰ *Гоняный М.И.* Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003.

⁸¹ Південноруське село IX–XIII ст. / Ред. О.П. Моці, В.П. Коваленка, В.О. Петрушенко, Київ, 1997; *Шекун О.В., Веремейчик Л.М.* Давньоруське поселення Лискове. Чернігів, 1999; Село Київської Русі. Київ, 2003.

⁸² *Шполянський С.В.* Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишина в Подмосковье // Русь в XIII веке. С. 253–264; Средневековое поселение Настасьино / Сост. А.В. Энговатова // Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. М., 2004. Т. 2. В настоящее время число полностью раскопанных средневековых деревень перевалило за 30.

⁸³ Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения на Кубенском озере. В 3 т. / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2007. Т. 1; М., 2008. Т. 2.

половины X–XIII в. Экономической основой его являлось сочетание промысла на бобра, белку и куницу (их кости составляют 56% всех остеологических остатков) с земледелием и скотоводством. Вещевой материал, найденный на селищах, отражает высокий достаток жителей при отсутствии признаков воинского быта. Отсюда следует, что пушнина попадала на рынок не только в результате ее изыятия в качестве дани, но и в результате торговых операций, участниками которых были обитатели лесных поселений⁸⁴. Эти наблюдения дали исключительно важную историческую информацию об экономике и социокультурной ситуации на севере Суздальской земли. Следует также учесть, что изучен едва ли не самый крупный погост XI–XIII вв. на Кубенском озере.

Суздальский проект по изучению древнерусского расселения и исторических ландшафтов показал, что на территории Ополя, где также фиксируется промысловый этап, земледельческое освоение водоразделов началось в XI–XII вв., причем тогда же сложилась сеть крупных сел, которая сохранилась до наших дней⁸⁵.

Возможности комплексных археологических и палеоландшафтных исследований, продемонстрированные в ходе работ в районе Белого озера и Суздаля, создают впечатление, что для бедного письменными источниками домонгольского периода привлечение историко-археологического инструментария малопродуктивно. Думается, что подобный вывод является поспешным. Археологические данные показали, что для Суздальского Ополя было характерно ускоренное (по сравнению с другими районами русского Северо-Востока) экономическое и социальное развитие. Рассматривая причины появления на поселениях суздальской округи XII–XIII вв. предметов воинского вооружения и парадного конского снаряжения, амфорной керамики, писал, книжных застежек и предметов личного благочестия со сложной символикой, Н.А. Макаров указал на возможность присутствия здесь княжеских дружинников, а, в случае соответствующих находок на водораздельных поселениях второй волны расселения (XII – на-

⁸⁴ Макаров Н.А. Археологическое изучение севернорусской деревни: пути, подходы, результаты // *Сельская Русь...* С. 12.

⁸⁵ Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – начале II тыс. н.э.: новые материалы // *Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга* / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М., 2005. С. 196–215; Шполянский С.В. Заселение водоразделов в Суздальском Ополе (по материалам исследований последних лет) // *Сельская Русь...* М., 2008. С. 157–176.

чало XIII в.), – представителей младшей дружины. Кроме того, он отметил возможность обнаружения боярских усадеб (надо думать, на вотчинном праве) на таких поселениях как Кистыш-3 и Поганое озеро-1⁸⁶.

Для проверки подобных предположений только археологических данных не достаточно. Если мы обратимся к письменным свидетельствам, то обнаружим, что села Киболо и Янево, на землях которых расположены три из восьми указанных выше водораздельных поселений, а также район Поганого озера входили в обширное подгородное владение Суздальских владык⁸⁷. Судя по аналогиям (Сетунский стан под Москвой, Владычино под Волоком Ламским), это владение напоминает княжеские пожалования, производившиеся при основании кафедр. В нашем случае Киболо-Янево мог пожаловать епархии князь Константин Васильевич в момент ее образования (1347 г.). А это значит, что в XIII в. все верхнее течение реки Каменки к западу от города принадлежало князьям. Данная ретроспективная информация весьма существенна. Она подкрепляет первое предположение исследователя и делает маловероятным второе.

В чем же суть различия археолого-палеоландшафтных и археолого-исторических комплексных исследований?

В широком смысле углубленное археологическое изучение сельской жизни средневековой Руси стоит довольно близко к целям, которые ставят в плане аграрной истории исследователи, работающие в русле микроистории и исторической антропологии с их стремлением к многоаспектности и к “плотному”, или “тесному” описанию, если использовать терминологию Клиффорда Гирца. Однако имеются и принципиальные расхождения. При попытках сопоставить разнородные по своему происхождению источники возникает ряд методических трудностей, которые обусловлены не только тем, что археологические материалы отражают, по преимуществу хозяйство и материальную культуру, а письменные свидетельства – социальные отношения. Археологическое и палеоландшафтное видение генезиса исторических территорий адекватно отражает процессы и структуры, существующие во времени “большой длительности” (*la longue durée*), без описания

⁸⁶ Макаров Н.А. Средневековое расселение в Суздальском Ополе: новые результаты и перспективы исследования // Археология Владимиро-Суздальской земли. Мат-лы научного семинара. М., 2009. Вып. 2. С. 18, 19.

⁸⁷ Маштафаров А.В. Суздальский владычный дом в документах XVI – начала XVII в. // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 6. С. 77.

которых невозможно понимание аграрной истории. Однако этот подход не идентичен микроистории в том ее понимании, которому мы обязаны итальянским исследователям 1970–1980-х гг., группировавшимся вокруг журналов “*Quaderni Storici*” и “*La microhistoire*” и исследователям Гёттингенского Института истории Макса Планка. Лишь историко-географическое и генеалогическое исследование, основанное на актовых и иных письменных свидетельствах, может раскрыть конкретные исторические прецеденты, мотивации и механизмы принятия решений людей в прошлом, без чего невозможно описать функционирование социальных структур.

Эти соображения могут быть проиллюстрированы на материалах Пехорской волости, входившей в домен московских князей. Ландшафтно-археологическое исследование показало, что с 1460-х годов редкая сеть однодворных селений, расположенных через 2 км друг от друга среди лесов, сменяется густой сетью поселений, что свидетельствует о смене культурно-хозяйственного типа от промыслового к земледельческому. Из грамоты 1381–1382 гг. известно, что Дмитрий Донской владел здесь бортной волостью и передал ее треть Симонову монастырю. Позднейшие документы демонстрируют “столетнюю войну” ведомства дворецкого с монастырем за эти земли. Между 1425 и 1463 две из трех тысяч десятин было возвращено волости. Вторая попытка вернуть земли (1460-е годы) не удалась, и в первой половине XVI в. бортный промысел был здесь утрачен⁸⁸. Таким образом, данные, полученные разными методами, существенно дополняют друг друга. Без свидетельств грамоты 1381–1382 гг. мы не узнали бы, что редкая сеть селищ XIV в. связана с развитием бортного промысла, а без археологии мы не понимали бы причины напряженности описанной борьбы.

Сопряженное микрорегиональное изучение хозяйственного развития, генезиса культурно-хозяйственных типов и формирования социального ландшафта различных районов средневековой Руси может дать исследователям неопределимые возможности для понимания социокультурной истории страны в XIII–XVI вв.⁸⁹ Приведем лишь один пример такого рода. Когда была реконструирована поселенческая структура подмосковных волостей первой

⁸⁸ Чернов С.З. Домен Московских князей... С. 48–209.

⁸⁹ Подробнее о проекте создания сети детально изученных территорий см.: Чернов С.З. Микрорегиональные исследования сельской Руси XIII–XVI веков как форма сопряженного изучения археологических и письменных источников: возможности, проблемы, перспективы // Сельская Русь... С. 16–28.

половины XIV в., удалось выделить тип “мирских” монастырей, которые располагались на их безлюдных окраинах. Оказалось, что именно от этих монастырей берут свое начало монастыри-пустыни Сергиевского круга⁹⁰. Подобные наблюдения стали возможны лишь при сочетании археологических данных о расположении монастырей и их идентификации как монастырей крестьянских волостей на основании известных актов XV в.

АРХИТЕКТУРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

В результате раскопок в Смоленске, начатых в 1962 г. Н.Н. Ворониным и П.А. Раппопортом, было найдено и изучено десять ранее неизвестных памятников домонгольского зодчества⁹¹. Эти исследования вызвали к жизни новаторские работы П.А. Раппопорта 1970-х годов. П.А. Раппопорту удалось выявить объекты комплексных исследований: техники кладки, растворы, форматы кирпича и клейма на нем, следы технологических приемов, которые были скрыты в теле здания и поэтому делались независимо от задания заказчика. Изучение этих объектов позволило определить технологический почерк артели и более точно – порой до десяти лет – датировать постройки⁹².

В результате диапазон информации, получаемый в ходе архитектурно-археологических исследований, значительно расширился. Соответственно выросло и число вопросов, которые архитекторы задавали археологам. Копать многочисленные перекопы и строительные котлованы стало интереснее. Нужны были не просто архитектурные детали, но данные об их стратиграфическом положении и многое другое. Это потребовало совершенствования методов собственно археологических исследований (стратиграфического и типологического) и привело к формированию современной архитектурной археологии. Целью этой дисциплины стало изучение сложных связей сооружения и формирующегося вокруг него и в нем культурного слоя, смены полов и дневных уровней,

⁹⁰ Чернов С.З. Сельские монастыри XIV–XV вв. на северо-востоке Московского княжества по археологическим данным // Российская археология. 1996. № 2. С. 111–130. Здесь нельзя не указать на работы, в которых такие темы, как христианизация и церковная жизнь, увидены глазами археолога: Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках: Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002; Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли. М.; Звенигород, 2008.

⁹¹ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979.

⁹² Раппопорт П.А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986.

периодов строительства, стабильной эксплуатации здания, а затем его разрушения и запустения.

Архитектурная археология способна сегодня рассказать “о хронологии памятника, о фундаментах, цоколях и нижних частях стен, о первоначальных элементах, искаженных или уничтоженных в верхних частях здания (пилястры, колонны, цоколи порталов), об устройстве полов и малых форм, о перепланировках и изменении функций помещений, об исчезнувших частях здания (галереях, притворах, крыльцах), о подземных инженерных сооружениях, о вертикальной планировке и оформлении прилегающих участков (водоотодах, мостовых, лестницах), об утраченных элементах архитектурного ансамбля” В культурном слое обнаруживают “блоки упавших кладок с частями древнего декора, россыпи мелких фрагментов резьбы, кирпич разных типов, черепицу, изразцы, ... металлические детали здания – кровли, осветительные приборы, запоры, подставы”⁹³. Обширный вопросник, адресованный археологу, касается основания здания (или его остатков), исследуемого архитектором. Между тем нередко этому зданию предшествовали иные (каменные и деревянные) сооружения, которые также являются объектом комплексного изучения и значительно расширяют представления об истории ансамбля.

Благодаря созданию такой методики фундаменты белокаменных храмов и следы их деревянных предшественников, прилежавшие к тем и другим некрополи и культурные напластования монастырской и домонастырской поры стали полноценным объектом исследования. Весьма успешные работы такого рода были осуществлены в Мирожском монастыре Пскова (1974–1979)⁹⁴, в Богоявленском, Даниловом и Высокопетровском (1980-е гг.)⁹⁵ и Зачатьевском (2000-е) монастырях Москвы, в Успенском монастыре в Старице (2000-е гг.)⁹⁶.

⁹³ *Беляев Л.А.* Археологические исследования памятников архитектуры // *Подьяпольский С.С., Бессонов Г.Б., Беляев Л.А., Постникова Т.М.* Реставрация памятников архитектуры / Под общей ред. С.С. Подьяпольского. М., 1988. С. 104.

⁹⁴ *Булкин В.А., Овсянников О.В.* Архитектурно-археологические раскопки в Мирожском монастыре в 1974–1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983.

⁹⁵ *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы (конца XIII – начала XV вв.) по данным археологии. М., 1994. См. также: *Беляев Л.А. Павлович Г.А.* Казанский сбор на Красной площади. М., 1993.

⁹⁶ *Хворостова Е.Л., Хохлов А.Н., Сиволопова А.Б.* Успенский монастырь в г. Старице на Верхней Волге по данным археологических исследований 2004–2007 гг. (доклад на II (XVIII) Всероссийском археологическом съезде в Суздале, 20–25 октября 2008 г. (не опубликован)).

Эти проекты по мере их осуществления имели два следствия. Во-первых, потребовались дополнительные археологические разработки по таким сюжетам, как белокаменные надгробия⁹⁷, погребальный инвентарь, плитки пола. В результате учеными были созданы основанные исключительно на археологических данных “истории” объектов. Во-вторых, оказалось, что данные письменных источников в том виде, в котором они традиционно использовались историками монастырей, малопригодны для сопоставления с тем разнообразным, фрагментарным и порой причудливым археологическим материалом, который был получен в ходе раскопок. В связи с этим возникла необходимость гораздо более тщательного сбора и специфической критики свидетельств письменных источников – как синхронных исследуемым памятникам (XIV–XV вв.), так и более поздних. На первый план вышли такие, казавшиеся ранее второстепенными, вопросы, как переносы престолов храмов, упоминания о ремонтах, тонкости летописных формулировок, позволяющие отличить возведение храма вновь от его перестройки и т.д.

В контексте этих поисков находится и невиданное по тщательности историко-архивного труда исследование приходов Ивановской горки в Москве XVII–XX вв., рассмотренных как культурное целое. В опубликованной по его материалам книге показано, как поколения дворян, купцов и мещан, вкладывали свои средства, энергию и художественный вкус в создание храмов, а в XX в. отстаивали эти храмы, порой ценою жизни⁹⁸. Именно такое историко-антропологическое исследование, построенное на данных письменных источников, адекватно тем наблюдениям над миром материальной культуры, которые постепенно формируются в результате развития церковной археологии Москвы.

Во многом в русле комплексного архитектурно-археологического подхода развивались работы Вл.В. Седова о псковской⁹⁹ и Д.А. Петрова о новгородской архитектуре. Характерная их черта – резкое расширение диапазона исследований (изучение роли заказчика¹⁰⁰, рассмотрение вопроса о том, что представлял собой

⁹⁷ *Беляев Л.А.* Русское средневековое белокаменное надгробие. М., 1996.

⁹⁸ *Церковная археология Москвы. Храмы и приходы Ивановской горки и Кулишек / Под ред. А.Л. Баталова.* М., 2006.

⁹⁹ *Седов Вл.В.* Псковская архитектура XIV–XV веков. М., 1992.

¹⁰⁰ См., например, сборник: *Заказчик в истории русской архитектуры.* М., 1994. Ч. 1, 2.

“проект” в древнерусском строительстве¹⁰¹, пристальное внимание к теме организации строительства и др.) и специальное изучение всей суммы свидетельств письменных источников о строительстве того или иного периода и о топографии того или иного городского района¹⁰². При этом знания, полученные в ходе натурального изучения памятников, заметно продвигали вперед интерпретации письменных известий. Краткие тексты источников удавалось значительно более надежно увязать с канвой достоверно локализованных архитектурных сооружений.

В Александровой слободе В.В. Кавельмахер открыл зондажами и заложенными совместно с археологами шурфами стилистически единую “фряжскую резьбу” в значительной части сооружений, указал на общие инженерные приемы в возведении сооружений (погребов) и высказал предположение о том, что ядро дворцовой усадьбы было построено итальянской артелью в 1508–1513 гг.¹⁰³ Эта работа раскрыла причины устройства здесь столицы в годы опричнины и позволила сформировать программу археологического изучения дворцовой усадьбы, которая начинает приносить первые плоды.

Анализ белокаменного зодчества Владимиро-Суздальской земли с позиций истории строительства недавно был предпринят С.А. Шаровым-Делоне. В его работе широко представлен инструментарий комплексного исследования: детальный анализ всей суммы изображений и планов архитектурных памятников, расчеты объемов работ артелей, изучение заказа на строительство, специальные разработки по летописной хронологии и многое другое¹⁰⁴. Чтение книги показывает, впрочем, не только возможности, но и пределы метода комплексного источниковедения. Эти пределы четко обозначаются как раз там, где заканчиваются наши положительные знания о памятнике, полученные из раскопок, натуральных обследований или инструментальных планов XIX в. Попытки использовать инструментарий междисциплинарного подхода за пре-

¹⁰¹ Работа, вскрывшая принципиальные отличия византийского “проекта” от понимания проекта, которым мы обязаны эпохе Ренессанса, переведена Л.А. Беляевым (*Оустерхаут Р. Византийские строители*. Киев; М., 2005).

¹⁰² *Петров Д.А. Проблемы исторической топографии Новгорода*. М., 1999. С. 51–94.

¹⁰³ *Кавельмахер В.В. Памятники архитектуры древней Александровой слободы*. Владимир, 1995; *Он же. Памятники архитектуры древней Александровой слободы // Проблемы изучения древнерусского зодчества*. СПб., 1996. С. 153–156.

¹⁰⁴ *Шаров-Делоне С.А. Люди и камни Северо-Восточной Руси. XII век*. М., 2007.

делами границ, очерчиваемых точными данными, приводят лишь к умножению предположений¹⁰⁵.

Ярким примером результативности исследований, находящихся на пограничье архитектурно-археологических работ и классической городской археологии, являются работы экспедиции “Спецпроектреставрации” (М.И. Мильчик) и Института истории материальной культуры (А. Курбатов) в Ивангороде. Изучена и датирована застройка внутри крепости русского (ярусы первой, второй и третьей четвертей XVI в.) и шведского (после 1581 г.) периодов. Установлено, что Никольская каменная церковь была заложена с уровня горизонта 3, что позволило датировать ее 1558 г.¹⁰⁶

Сегодня можно говорить и о проникновении методик ландшафтной археологии в археологию средневекового города. Во время раскопок Н.А. Кренке на Романовом дворе в Москве на противоположном Кремлю берегу р. Неглинной, были обнаружены слои поселения начала XIII в., перекрытого мощным пахотным горизонтом XIV в. со следами борозд¹⁰⁷. Близ Десятинного монастыря Новгорода, под городскими слоями XII в. О.М. Олейниковым был обнаружен сад XI в., фиксируемый мощными пнями плодовых деревьев. А.Л. Александровским, исследовавшим погребенные почвы на материке Троицкого раскопа, были найдены луговые травы и листья ивы, отражающие природную среду берега Волхова в середине X в.¹⁰⁸ Изучение погребенных почв средневекового возраста в пойме Днепра близ Гнёздовского археологического комплекса позволило не только реконструировать природную среду в период раннего Средневековья¹⁰⁹, но и способствовало находке подоль-

¹⁰⁵ Ср., например, реконструкцию собора Рождественского монастыря во Владимире 1192 г. (*Шаров-Делоне С.А.* Люди и камни... С. 402, 403) с результатами раскопок 1998 г., открывших фундаменты галереи по всему периметру собора (*Глазов В.П., Зыков П.Л., Иоаннисян О.М., Жервэ А.В.* Исследования собора Рождественского монастыря во Владимире // *Археологические открытия 1998 года.* М., 2000. С. 88, 89).

¹⁰⁶ Крепость Ивангород. Новые открытия /Сост. М.И. Мильчик. СПб., 1997.

¹⁰⁷ *Кренке Н.А.* Древнерусские памятники в долине реки Неглинной: “Ландшафтная” гипотеза землепользования и данные раскопок // *КСМ ИЛ.* М., 2004. Т. 1.

¹⁰⁸ *Александровская Е.И., Александровский А.Л., Гайдуков П.Г., Кренке Н.А.* Лес, луг, пашня, городская застройка по данным исследования древнейшего культурного слоя и погребенной почвы Новгорода // *Естественнонаучные методы в полевой археологии.* М., 2000. Вып. 3.

¹⁰⁹ *Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефёдов В.С.* Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории Гнездовского археологического комплекса // *Российская археология.* 2005. № 1.

ной части поселения, которая интерпретируется как порт древнего Гнёздова¹¹⁰. Возможности для подобных исследований имеются и на посаде Старой Рязани¹¹¹.

АРХЕОЛОГИЯ НЕКРОПОЛЕЙ

Незаметно, от проекта к проекту, в самостоятельное направление превращается изучение средневекового православного некрополя, имеющее как архитектурно-археологическую так и археолого-антропологическую составляющую. Общие принципы междисциплинарного исследования древнерусского некрополя были сформулированы В.Л. Яниным в работе, посвященной некрополю Новгородского Софийского собора¹¹². Некрополь Московской Руси рассмотрен Т.Д. Пановой – на фоне истории древнерусского погребального обряда¹¹³; С.Ю. Шокаревым – в контексте обрядовой системы, повседневной жизни и религиозных представлений¹¹⁴. Архитектурные формы древнерусских княжеских усыпальниц исследованы Вл.В. Седовым¹¹⁵. Активизировалось изучение семантики некрополей XIV–XVI вв. как элементов сакральной топографии¹¹⁶.

¹¹⁰ *Мурашева В.В.* В поисках Гнездовского порта // Российская археология. 2007. № 1. С. 106–114.

¹¹¹ *Завьялов В.И.* Археологические исследования посада // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М., 2005. С. 90–104.

¹¹² *Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988.

¹¹³ *Панова Т.Д.* Городской погребальный обряд средневековой Руси: XI–XVI вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; *Она же.* Кремлевские усыпальницы: История, судьба, тайна. М., 2003; *Она же.* Некрополи Московского Кремля. 2-е изд. М., 2003.

¹¹⁴ *Шокарев С.Ю.* Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) – <http://necropolis.genealogia.ru/posobie.htm>. Эта работа содержит развернутый историографический обзор по московскому некрополю.

¹¹⁵ *Седов Вл.В.* Погребения “святых князей” и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003.

¹¹⁶ *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998; *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000; *Чернов С.З.* Сакральная топография Московской Руси в устной крестьянской традиции: освящение кладбища // КСМ ИЛ. М., 2005. Т. 3: Ментальный ландшафт. Московские села и слободы.

Все эти работы, возникшие на фоне неослабевающего интереса к проблеме смерти в менталитете русских людей Средневековья, значительно расширили круг вопросов, который принято теперь задавать археологам, изучающим древние кладбища. Это порождает стремление расширить информационные возможности археологии в области изучения крайне бедных находками средневековых погребений. Примером подобного информационного расширения может послужить проект по изучению некрополя Иосифо-Волоколамского монастыря (2001 г.) – самого документированного средневекового некрополя России, оразившего новую систему поминания усопших, которая была создана преп. Иосифом Волоцким в конце XV в.¹¹⁷ Интерес к этому некрополю усилился после публикации Л. Штайндорфом Кормовой книги монастыря (около 1581/1582 гг.), содержащей перечень погребенных и указания на расположение могил¹¹⁸. В ходе раскопок были обнаружены фундаменты собора 1484–1486 гг. Погребения были совершены в галереях. Это были ряды антропоидных колод, имитирующих древние княжеские гробницы. Благодаря наличию описания захоронения поддавались идентификации. Они изучались выборочно, по возможности, без извлечения костных останков. Палеоландшафтный блок включал радиоуглеродное датирование, изучение погребенных почв, остатков растительности и пыльцы, а также химического состава почв и культурных отложений. Антропологический блок включал фиксацию положения скелета, его морфологическое описание и определение патологических изменений, вызванных заболеваниями и физическими воздействиями. Кроме того, исследовался микроэлементный состав костных останков¹¹⁹.

Проекты, связанные с идентификацией погребений русской знати XIV–XVII вв.¹²⁰ не только расширяют наши представления о действующих лицах русской истории (причины смерти, болез-

¹¹⁷ Steindorff L. Memoria in Altrussland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart, 1994. (Quellen und Studien zur Geschichte des ostlichen Europa; 38).

¹¹⁸ Steindorff L. Das Speisungsbuch von Volokolamsk (Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря). Köln; Weimar; Wien, 1998.

¹¹⁹ Чернов С.З. Некрополь Иосифо-Волоколамского монастыря в свете археологических исследований 2001 г. Старый и Новый приделы // Преподобный Иосиф и его обитель. М., 2008.

¹²⁰ Чернов С.З., Гончарова Н.Н., Лебедева Е.Ю. Некрополь Николо-Угрешского монастыря по данным археологических раскопок Никольского собора в 2004 г. // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Л.А. Беляева. М., 2008.

ни, характер питания), но и в перспективе могут послужить уникальным собранием ДНК-материала, бесценного для определения родственных связей плохо идентифицируемых останков¹²¹.

Новые возможности для понимания вопросов демографии древнерусского населения возникли в результате цикла исследований могильников Белозерья X–XIII вв., которые были дополнены палеоантропологическими исследованиями, раскрывающими механизмы биологической адаптации к среде обитания. В итоге эти трудно уловимые (даже в рамках современных этнографических и медицинских наблюдений) процессы удалось проследить на примере нескольких поколений славянских насельников Русского Севера¹²². Недавно завершено антропологическое изучение братской могилы жителей Ярославля, погибших во время взятия города монголами в 1238 г.¹²³ Подобная братская могила 1238 г. ранее была изучена близ Старой Рязани. В Азове найдена братская могила, содержащая останки исключительно тюркского населения, уничтоженного во время “замятни” 1363–1364 г.¹²⁴ Костные останки, отражающие состав популяции на момент ее гибели, становясь источником не только по демографии, но – будучи изучены на уровне ДНК – и по истории семьи и родства – классической темы исторической антропологии¹²⁵. Создается впечатление, что мы еще увидим рождение новой дисциплины – комплексного изучения древнерусских курганных и грунтовых некрополей – и осознаем тогда, сколь безжалостно они были исследованы в XIX–XX вв.

Уже давно выработаны приемы сопряженного морфологического, функционального, типологического, технологического, искусствоведческого и семантического анализа произведений прикладного искусства из раскопок и музейных коллекций, которые изучаются

¹²¹ См., например, поддержанный РГНФ проект “Однофамильцы или родственники”: <http://www.genofond.ru>.

¹²² Макаров Н.А. Колонизация...; Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение...

¹²³ Buzhilova A., Goncharova N., Engovatova A. Mass graves from Medieval Russian town: bio-cultural context of remains // Abstracts of 17th Paleopathological Association Meeting “Diseases in the Past”, Copenhagen, Denmark, 25–27 August 2008. P. 27; Buzhilova A.P., Goncharova N.N. A mass grave from Medieval Russian town: the anthropological evidence of a social catastrophe // Vers une anthropologie des catastrophes. Actes des 9e journées d’anthropologie de Valbonne / Ed. L. Buchet, C. Rigeade, I. Séguay, M. Signoli. 2008. P. 285–299.

¹²⁴ Масловский А.Н., Фомичев Н.М. О дате побоища в Азаке времени “великой замятни” в Орде // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Азов, 2004. Вып. 20. С. 487–508.

¹²⁵ Семья, дом и узы родства в истории / Ред. Т. Зоколл, О. Кошелева, Ю. Шлюмбом. СПб., 2004.

с широким использованием письменных источников. Среди работ последних десятилетий хотелось бы указать на исследования Т.В. Николаевой о мелкой пластике¹²⁶, Т.И. Макаровой о саккосе митрополита Алексея¹²⁷, А.В. Чернецова о произведениях прикладного искусства и изображениях на монетах удельного периода¹²⁸, Н.В. Жилиной о Шапке Мономаха¹²⁹. Изучение семантики различных видов христианского искусства (градостроительства, архитектуры, живописи, прикладного искусства) показали некоторые общие структурные параллели, что позволило сформулировать представления о многоуровневом сакральном пространстве Средневековья¹³⁰.

Отдельных рассказов заслуживают также комплексное изучение музыкальных инструментов древнего Новгорода¹³¹, археология гидротехнических сооружений¹³², технологий освоения полярных широт¹³³ и древних производств¹³⁴. Механизмы зарожде-

¹²⁶ Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.

¹²⁷ Макарова Т.И. Древнерусское наследие в ювелирном деле ранней Москвы. XIV век. Облечение митрополита Алексея. М., 1998.

¹²⁸ Чернецов А.В. Резные посохи XV в. М., 1987; Types on Russian Coins of the XIV and XV Centuries. An iconographic study // British archeological reports. International series. Oxford, 1983. Vol. 167.

¹²⁹ Жилина Н.В. Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001.

¹³⁰ Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2006.

¹³¹ Поветкин В.И. Древний новгородский однострунный музыкальный инструмент: К вопросу о древнерусском смычке // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Новгород, 1994. С. 54–56; Он же. С гусями к первоначальникам Новгорода // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 85–94.

¹³² Система каналов, существовавших к 1514 г. и измененная игуменом Филиппом (1548–1556), зафиксирована в работе: Натыйник А.А., Никишин Н.А. Озерно-канальные водохозяйственные системы Соловецких островов – памятники истории и культуры в гидросфере // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере: Теория, методика, практика. М., 1990. Вып. 1. С. 124–140. Технология сооружения пруда-копани XV в. прослежена в: Александровский А.Л., Кренке Н.А., Чернов С.З. Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогеосистем (археолого-почвоведческое исследование) // Там же. С. 94–109.

¹³³ Боярский П.В. Введение в памятниковедение. М., 1990; На Север с Баренцем. Совместные Российско-Голландские комплексные археологические исследования на Новой Земле в 1995 году / На русск. и англ. яз. Амстердам, 1997; Новая Земля. Природа. История. Археология. Культура. М., 1993, 1994. Т. 1–3; Остров Вайгач. Культурное и природное наследие. М., 2000. Кн. 1: Памятники освоения Арктики.

¹³⁴ Следует выделить исследования солеварен (Ворожейкина М.Е. Мшага Воскресенская – памятник истории и археологии Новгородской земли // Новго-

ния и развития этих направлений во многом повторяют те, которые уже были прослежены применительно к городской, ландшафтной и архитектурной археологии.

* * *

Подводя итог сделанному обзору, следует отметить, что сложение направлений междисциплинарных исследований, построенных на комплексном источниковедении, – не случайное явление. Это закономерный и в чем-то даже рутинный процесс развития научных исследований, который проходит несколько стадий. Ключевую роль имеет выявление объекта таких исследований – археологического источника, который потенциально может изучаться методами других дисциплин (влажные культурные слои, содержащие следы городских усадеб; погребенные почвы и аллювиальные отложения, маркирующие средневековый ландшафт; комплексы храм–некрополь–культурный слой и т.д.). Далее начинается поиск специфических методов исследования этих объектов (дендрохронологический или радиоуглеродный в городской археологии, почвоведение и ландшафтоведение – в ландшафтной археологии, реставрационные приемы в архитектурной археологии), разрабатывается детальный вопросник, который учитывает достижения других дисциплин и наук. Затем оказывается, что для получения ответов на эти вопросы необходимо привлечь ранее не использовавшиеся письменные, историко-географические, сфрагистические, нумизматические источники и выработать оригинальные приемы их анализа (сфрагистические материалы – в городской археологии, топографическая съемка 1920-х годов, фиксирующая старые межи, – в ландшафтной; свечные книги церквей и приказная отчетность по закупке материалов – в архитектурной археологии).

Характерной чертой различных видов комплексных исследований является стремление изучить судьбу данного объекта на максимально длительном временном отрезке, желательно до наших дней (городские дворовладения, земельные дачи Генерального межевания, устная топонимическая традиция старожильского населения). Наступает момент, когда оказывается, что на вновь сформулированные вопросы традиционная археология дает слиш-

род и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1997. Вып. 11. С. 274–280) и железодельных заводов (*Стоксова Н.Н.* Первые металлургические заводы России. М., 1962).

ком расплывчатые ответы. Тогда начинается доработка археологических методов в тех областях, где это необходимо (разработка детальной хронологии керамики, особенностей безынвентарного погребального обряда). Параллельно с выстраиванием археологических и естественнонаучных методов, ведутся специализированные исследования тех же тем по письменным источникам с целью увидеть явление, детально изученное по материальным памятникам, глазами того летописца, который ближе других стоял к нему. И, наконец, публикация результатов сопряженных исследований происходит нередко в обстановке поиска наиболее адекватного материалу жанра и формата издания.

Как показывает наш обзор, исследования, построенные на комплексном источниковедении, имеют особую “нишу”. Они не способны конкурировать с археологическими открытиями, которые “прямо” отвечают на простые, но порой весьма важные вопросы историков (когда был основан данный город, где возникли первые поселения носителей “дружинной культуры” и т.д.). Исследования, построенные на этих методах, становятся возможны при достаточном объеме источников и при определенном, уже достигнутом, уровне их осмысления. Исследования материальной культуры, этнокультурного облика населения, его быта, питания, и экологических условий до известной степени, а, точнее, до известного момента, не нуждаются в методах комплексного источниковедения. Эта ситуация особенно характерна для начальной стадии изучения той или иной археологической культуры. Сегодня, когда широкое изучение древностей великорусских княжеств XIV–XV вв. находится на начальной стадии, в руках археологов оказывается большое количество данных, с которых можно относительно легко “снять сливки” информации, используя лишь методы археологического источниковедения. Между тем, как только встают вопросы, выходящие за пределы описания материальной культуры, такие, например, как причины кризиса XIII в.¹³⁵ или механизмы внутренней колонизации¹³⁶, оказывается, что феномены, выявляемые чисто археологическими методами, могут быть интерпретированы по-разному. Именно здесь на помощь приходят исследования, построенные на комплексном изучении разнообразных источников и интеграции дисциплин, – они позволяют сузить диапазон интерпретаций.

¹³⁵ См.: Русь в XIII веке.

¹³⁶ См.: Сельская Русь...

Для тех территорий и периодов, где оба метода работают параллельно, наблюдается ситуация их плодотворного сотрудничества. Здесь уместно подчеркнуть, что методы, основанные на комплексном источниковедении, ни в коей мере не могут и не должны подменять или деформировать тот процесс археологического исследования, который всем нам привычен, а также интерпретационные процедуры, которые работают в рамках чисто археологических источников. Это просто дополнительная форма работы.

В области изучения Древней Руси (IX–XIII вв.) первый этап комплексных исследований, связанный, прежде всего с работами в Новгороде, дал ошеломляющие результаты. Новгородское боярство, землевладение которого получило фиксацию в письменных источниках лишь в конце XV в., было воссоздано в реалиях дворовладений, социальной структуры, механизмов политической власти и повседневности. Поддержание столь же значительной роли комплексных методов при изучении других земель домонгольского периода, менее обеспеченных письменными источниками, весьма непросто. Московская Русь и русские земли Великого княжества Литовского (XIV–XVI вв.), напротив, обеспечены значительным массивом письменных¹³⁷, нумизматических, сфрагистических источников, дающих большие возможности для применения методов комплексного источниковедения. Однако археологическое изучение памятников этого периода находится лишь на стадии интенсивного сбора материалов. В то же время там, где комплексные исследования развернуты, они оказываются весьма эффективными.

Таковы, на мой взгляд, объективные причины некоторого сокращения комплексных историко-археологических исследований, наблюдаемого в 2000-е годы и представляющего собой кризис роста.

Если от средневековой археологии России обратиться к ситуации в медиэвистике, то становится очевидным, насколько выросла потребность историков в специализированной обработке археологической и естественнонаучной информации о прошлом. Однако те форматы, в которых свои материалы привыкла представлять традиционная археологическая наука (материалы раскопок поселений и могильников, генезис категорий материальной культуры, истории ремесел, этнокультурные описания древнерусских земель и т.д.) нередко оказываются малопригодны для историков.

¹³⁷ По западноевропейским меркам количество письменных источников этого времени крайне скудно.

Археологические данные могут быть больше сопряжены с историческими исследованиями. Мы будем в состоянии получить весьма существенные данные о состоянии здоровья (не затрагивая костяков) почти любого представителя русской знати, погребенного в Троице-Сергиевом монастыре, если археолого-планиграфическое исследование этого некрополя будет завершено (например, Торх Осорьин прошел военные смотры 1552–1554 гг., но, как свидетельствует изучение его погребения, подволакивал правую ногу¹³⁸). Ретроспективное изучение актов Иосифо-Волоколамского монастыря показывает, что прапрадеды Нила Полева, Ржевских, Толбузиных были изгнаны литовцами из смоленских пределов и, укоренившись на своей новой родине, в 1370 г. остановили на этом рубеже натиск Ольгерда. Археология позволит в перспективе воссоздать материальный мир их родовых гнезд почти с той же точностью, с которой автографы иноков Иосифова монастыря передают их стиль мышления.

Материальные и письменные свидетельства позволяют по-разному увидеть прошлое. Но эти два “снимка” должны быть правильно обработаны, чтобы дать в результате объемную, а не искаженную картину. Вот почему столь важны исследования, построенные на интеграции различных дисциплин для изучения конкретных сфер материальной культуры методами комплексного источниковедения. Они вооружают отечественную археологию новым инструментарием для понимания русского Средневековья и помогут ощутить недосказанности чисто археологических интерпретаций.

¹³⁸ Чернов С.З., Янишевский Б.Е. Некрополь Троице-Сергиева монастыря по материалам археологических исследований 2003 г. // Российская археология. 2008. № 2.